

**Знобищева Мария Игоревна**  
(псевдоним **Маша Дубровина**)

Род. 25.05.87 в г. Тамбове. По образованию – филолог, кандидат наук. Поэт, автор нескольких книг стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова. Публиковалась с подборками стихотворений и критическими эссе в журналах «Наш современник», «Вопросы литературы», «Литературной газете». В настоящее время работаю библиотекарем в Центральной детской библиотеке имени С.Я. Маршака г. Тамбова, руковожу занятиями детской литературной студии.

Контактный телефон: 89106538319  
e-mail: znobishcheva@yandex.ru

**Аннотация**

«Большая буква «М» написана для думающих подростков, переживающих чувство первой любви. Эта история именно о переживании: прохождении души через световой коридор первой боли, сквозь времена, эпохи и образы, созданные воображением. Это попытка поговорить о любви серьёзно и честно, с большой буквы.

**Другие варианты названий:**

*Даже если ты не любишь*  
*Дневник неотправленных писем*  
*Спасибо, что ты был...*  
*Милый мой Максим*

## **Большая буква «М»**

На каждом человеческом сердце, словно перочинным ножиком на коре одинокого дерева, вырезана одна большая буква. Говорят, иногда эту букву образуют линии на ладони.

Так это или нет, но трудно сказать, есть ли что-нибудь неотвратимее, чем эта буква, большая настолько, что целый мир становится ей мал, - буква первой любви.

## **Глава первая. Буква «М»**

Дашка переделала все утренние дела: убрала со стола посуду, прополола морковь, чисто вымыла крыльцо. Теперь можно забраться на чердак и побыть со своими мыслями. Это так говорят: побыть со своими мыслями.

Иногда Дашке кажется, что одна мысль похожа на скрюченную старушку, молча сидящую в уголке, другая – на ленивого кота, который ни за что не даст себя погладить, третья напоминает пальму, а у четвёртой восемь щупальцев, и в каждом она что-нибудь держит (книжку, теннисную ракетку, яблоко, морскую раковину). На чердаке всегда душно и пахнет пылью, железная крыша раскалена от солнца; зато никто и не подумает искать Дашку здесь. Никто – это сестрёнки, родная и двоюродная, Саша и Алёнка, ровесницы, им по девять лет. А Дашке уже четырнадцать, и так тяжело объяснять, почему ей не хочется играть с ними в куклы.

А чего ей хочется? Думать и думать... о нём. Иногда думы становятся такими большими, что не помещаются в голову, и Дашка открывает тетрадь, низко склоняется над ней (так, чтобы не увидел никто, даже солнце в окне, даже ветер, перебирающий листы) и пишет, пишет:

*Любовь бывает - якорь,  
Бывает - шар воздушный.  
Бывает словно яблоко,  
Сомненьями надкушенное.  
Я строю, а ты рушишь.  
Но замки – в облаках...  
И все эти игрушки  
Ты не держал в руках.*

Конечно, этих стихов она ему не покажет. Он вообще, наверное, не читает стихов. Сидит сейчас у себя дома и играет в приставку. Или может, родители, как и в прошлом году, отвезли его в спортивный лагерь... Он играет там в футбол, баскетбол, купается в речке. Это всё, что он любит, и ему там хорошо. Он, наверное, ещё подрастёт, будет осенью весёлым и загорелым...

Дашка мечтает стать великой поэтессой. Тогда её книжки будут продаваться в каждом магазине... А как же всё-таки он их прочитает? Значит, надо, чтобы имя её попало в учебники по литературе. И когда Максим женится (на Катьке Сивцовой, например, или на Ленке Фарафоновой... а скорее всего, на одной из подружек своей сестры, сестра у него красавица, ходит в школу юных фотомоделей) у него родится сын, такой же симпатичный, с тонкой длинной шеей и хохолком на затылке, пойдёт в школу, и там по литературе им зададут выучить наизусть стихотворение современного поэта.

- Выучи с ребёнком стихотворение! Можешь ты уделить ему хоть полчаса? – с упрёком скажет модель, заправляя оливковым маслом диетический греческий салат.

- Давай, что ли, - нехотя скажет сыну Максим и возьмёт в руки учебник.

А там... там... стихи... её – ему!...

- Даша-а-а! Даша!

Голос бабушки вернул её на землю.

- Я тут, бабушк!

- Опять там пылишься? Слезай, пойдём огурцы солить.

Дашка бредёт за бабушкой и думает, что огурцы – это самое то. Если бы не было огурцов, крылечка и грязной посуды, всех этих обедов и ужинов, распорядков и привычек, она бы, наверное, совсем сошла с ума от своих мыслей. «Руки всегда должны быть заняты, - говорит бабушка, - тогда и на глупости времени не останется».

У корыта с прохладной водой сидят на корточках Саша и Алёнка. Бабушка выдала им по тряпочке, и сестры старательно трут огурцы.

- Ну, как? Всем уже придумали имена? – спрашивает Дашка, устраиваясь рядом.

- Да, - смеётся Саша, указывая на желтобокий огурец-гигант, - это Захар.

- А это Петька, - говорит Алёнка и опускает его в таз с чистой водой, худенького и длинного.

- Та-ак! – одобрительно кивает Дашка. – А это Микула Селянинович!

Бабушка кипятит банки, ей некогда, но странное имя огурца заставляет её обернуться.

- Ой, Господи! Куда же такой?! И как он только сюда попал? Такие же надо на семена откладывать! Вы как его солить собрались? Он и в банку не влезет!

Внучки хохочут. Дашке ещё смешнее от того, что ей вспомнились слова из былины, когда ордынцы просили русского богатыря о пощаде: «Ты оставь нам бояр хоть на симена!». Такого боярина лучше отпустить на волю...

Под шутки и хохот девчонки работают быстро, и скоро в большом тазу плавают совсем новые, блестящие огурчики, вновь наречённые, довольные, как именинники.

Мимо проходит дедушка. Останавливается, любуясь картиной. Он любит, когда все заняты делом, и сам трудится от зари до зари.

- Вот, достанем их зимой из баночки, да с картошечкой, хрустящие!.. Красота... Это, девки, всегда так. Весной сажаешь семена, летом ухаживаешь, под осень тада собираешь. А зимой – кушай на здоровье. Хитро в природе всё придумано...

Алёнка толкает Сашу в бок, и они тихонько исчезают. Не любят слушать пространные дедушкины речи.

А Дашка любит. Дедушка умный, много читает, особенно любит «Войну и мир».

- Тебе кто там нравится? – спрашивает он Дашку, прищурившись.

- Ну... княжна Марья...

- Это понятно. А из мужиков? Пьер, небось?

- Ну... да. – Дашка знает, что дед не одобрит выбор, но Пьер добрый, понятный, если бы она родилась мужчиной, была бы такой, как Пьер.

- Э-эх, - машет рукой дедушка, - этот Безухов – не мужик, а тряпка. Мешок. Другое дело Болконский. Болконский – не нравится тебе?

Станный вопрос! Ну как он может не нравиться? Тем более, после фильма... Только есть в нём что-то... Дашка пока не знает, как назвать. И в Максиме это есть. То, из-за чего им никогда не быть вместе, из-за чего даже увалень-Пьер кажется роднее.

Однажды Ольга Ефимовна на уроке русского спросила их, что самое главное. И стала поднимать по одному. Кто-то отвечал: «семья», кто-то – «добродота», кто-то – «правда».

Дашка, покраснев до кончиков ушей, прошептала: «Любовь». И скороговоркой добавила: «Не только между мужчиной и женщиной, а ещё любовь матери к ребёнку, человека к природе, всех людей между собой». Сосед по парте, Данилка, почему-то начал смеяться. А когда дошла очередь до Максима, тот ответил совсем странно:

- Главное, чтобы о тебе не подумали плохо. О тебе или о твоей семье.

- Поясни, - попросила Ольга Ефимовна.

- Ну, мой отец – лучший тренер в области. И он всегда нам говорит, что мы должны жить так, чтобы не уронить честь семьи.

- Видишь ли, честь и то, что подумают другие люди, - довольно далёкие друг от друга понятия, - попробовала поспорить учительница.

Но Максим её не понял.

Он не идеальный, конечно, её Максим. Но Дашка любит его и таким. Перед сном, когда сестра уже сопит в своей кровати, она водит пальцем по стене, пишет ему в голубом квадрате лунного света:

«Будь, пожалуйста, добрее».

«Пусть тебе приснится море».

Или – самое частое, самое заветное – «Я люблю тебя»...

Она так мучительно и сладко, так постоянно думает о нём, что не может не плакать. И ночью ей кажется, что ивы за окнами всё видят. Видят, а потом тихим шелестом передают городским деревьям, тополям, живущим на его улице.

Днём Дашка бежит к ручью. Этот ручей течёт за домом, в зарослях густого камыша. Когда-то он был чистым, а теперь две соседние фабрики сливают в него отходы. Соседи зовут его ручей-вонючка, им не за что его любить: весной, когда тает снег, вода затапливает подвалы. На какой-то карте ручей именуется Собачьим. А для Дашки, её сестёр и двоюродных

братьев он всё равно любимый. Здесь, на крошечном песчаном островке, закрытом от посторонних глаз ветками раkit, они строят шалаши, наводят хрупкие мостки. Здесь ещё недавно Дашка строила дома для палочных человечков – кровати из листьев, столы и стулья из камней, кастрюли из бутылочных крышек, рисовая каша из лепестков клевера. А теперь здесь *приют задумчивой грусти* – так Дашка назвала его сама. Можно сесть на камень у чёрного омутка, сесть тихо, не распугав пригревшихся на солнце лягушек, и пустить по ручью свою лодочку – узкий ивовый листок. На листке всего одна буква: «М», обведённая сердцем. Эта буква у Дашки любимая: «Мой Милый Максим».

Ручей впадает в речку Цну. Это хорошая речка, тихая, с тёмной водой. И она течёт где-то там, через пригородный лес, мимо лагеря «Орлёнок». Не доплывёт листочек до лагеря, не придёт купаться в тот день Максим, не станет разглядывать мокрые листья, не поймёт, для чего там такая буква, не узнает писавшую... И всё-таки пусть ива знает, пусть вода знает, пусть небо знает... А больше никто.

### **Из дневника неотправленных писем**

*31 июля*

*Здравствуй, Максим! Сегодня я буду писать о твоих глазах.*

*Как ты живёшь с такими глазами?*

*Когда во втором классе ты перешёл в нашу школу, в тот самый первый день, когда ты вошёл в наш класс и улыбнулся, мне показалось, что в комнате случился взрыв. Я ни у кого не видела таких глаз. Они у тебя манящие, с тайной. Такими я видела озёра в лесу на севере, чистые и в то же время тёмные, потому что вода в них холодная, бьют ключи. Кругом стоят вековые сосны. Это твои ресницы. Если бы я*

*стала крошечной, я никуда не ушла бы отсюда. Сидела бы на берегу твоего глаза. Слушала бы, как шумят ресницы.*

*Ещё иногда они нежные. Если ты улыбаешься. Ты так хорошо улыбаешься – сначала одним уголком губ, а потом весь. Кажется, что улыбаются даже уши, волосы и затылок. Но о твоей улыбке будет отдельное письмо. Такие нежные глаза (только ты не обижайся!) бывают только у девчонок. И странно, зачем Бог сделал тебе такие.*

*А иногда мне кажется, что твои глаза – старые. Потому что душа живёт на земле не в первый раз. Наверное, ты был раньше канадским священником, а ещё раньше польским панычем, гордым и спесивым любимцем дам. А ещё раньше – рыцарем, а до того – друидом.*

*У тебя сияющие глаза! Вот – наконец-то я нашла слово! Глупо писать: «они как звёзды», но это так. Из-за того, что лицо у тебя очень белое, а волосы чёрные-чёрные, твои глаза даже не сияют, а вспыхивают – особенно, если кто-то тебя разозлит, и ты резко поднимаешь веки. Наверное, таким взглядом можно сразить как мечом.*

*Иногда я представляю, каким будет твой взгляд, когда ты полюбишь. Не меня, конечно. Ну и пусть - не важно, кого! Я от всей души желаю тебе испытать это счастье.*

## **Глава вторая. Бабушкина тайна**

Дашка рассыпает по банкам приправы: по две палочки гвоздики, по три горошины перца, по одному лавровому листу, по зубчику чеснока. Бабушка мочит в воде пахучие метёлки укропа. Их положат сверху.

- Бабушка, а ты дедушку любишь?

- Ты почему... спрашиваешь?

Бабушка проворно расставляет в банке огурцы – столбик к столбику, по кругу, её полная рука вдруг застревает.

- На, вот, расставь-ка, у тебя запястья поуже. Сначала столбиком, а дальше - плашмя.

Дашка ждёт ответа. Бабушка такая - подумает сто раз, прежде чем выронит слово. Но переспрашивать не надо.

А бабушка косится на внучку, неслышно вздыхает. «Что ж, значит, пришло время для таких вопросов. Выросла девчонка, хорошая стала. Время летит быстро».

- Привыкла к нему, Даш. А как же? Сорок лет вместе.

- А как вы познакомились?

- Д... как? – бабушка смутилась. – Он раньше-то в Новой Жизни жил. А к нам приехал, когда уж ему шестнадцать было. Хвалили его, трудящий. У него же четыре сестры, а отец – какой работник? Фронтовик, весь больной, худой насквозь – как тряпка! Вот дед с четырнадцати лет и работал. С таких вот почти, как ты... Сначала помощником механизатора, потом трактористом. Ну, присмотрел, значит, меня. Перегородил дорогу: «Выходи за мене!». А он широкой был, костистый. Попробуй не выйди за него....

- Ну... Он тебе хоть немножко... нравился?

- Как сказать... Потом уж... А так... нравилси мне там один. Сашкой звали. Хулиган был! Наш, селезнёвский. Дед-то был приезжий. А энт Сашка – свой. Многим девчатам нравилси, чернявый такой, как цыган, весёлый.

- А он что?

- Что?

- Ну, обращал он на тебя внимание?

- Смотре-е-ел... - бабушка говорит нараспев, и голос её звучит нежно.

Дашка смотрит в бабушкино лицо. Бывает же так: вроде бабушка, а как девочка. Наверное, красивой она была. Дашка видела на фотографиях: тёмная волна волос, ясный лоб, светлые глаза, и улыбка - кроткая-кроткая. А сама совсем худенькая – былиночка, Снегурочка. И стоят они с дедом,